

ОБ УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ

Профессор А. Л. Григорьев. Воспоминания. Размышления / Сост. Ал. А. Григорьев, Г. В. Стадников; Под общ. ред. Г. А. Бордовского и В. А. Козырева. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — 180 с., ил. [Сер. «Герценовский университет. Золотые имена»]

Летопись университета, воссоздаваемая в портретах его лучших представителей, пополнилась еще одной книгой в серии «Золотые имена» — «Профессор А. Л. Григорьев. Воспоминания. Размышления». Это книга об учебном и педагоге, жизнь которого — яркий пример беззаветного служения университету, науке, служения людям.

Книга открывается биографическим очерком об Алексее Львовиче Григорьеве, с любовью и теплотой написанным его сыном Алексеем Алексеевичем. Читать этот очерк интересно и поучительно.

Жизнь Алексея Львовича с ранней юности была нелегкой. Он рано лишился отца и вынужден был пойти работать. Долгих семь лет пришлось трудиться в коммунальных службах Киева: убирать улицы, а зимой колоть лед на Андреевском спуске (ныне Крещатник). А так тянуло к знаниям. Но путь к ним был почти закрыт для сына полковника царской армии и брата юнкера белой армии, погибшего на полях Гражданской войны.

Но с виду робкий и хрупкого телосложения юноша рос человеком сильной воли, упорно идущим к поставленной цели. Преодолев все преграды, Алексей окончил институт и даже поступил в аспирантуру, из которой его пытались исключить, как сына белого офицера. Но ему все же удалось закончить аспирантуру и стать преподавателем сначала института М. Н. Покровского, а с 1937 г. — Педагогического института им. А. И. Герцена. Именно здесь во всей полноте раскрылся талант молодого филолога.

Любовь Алексея Львовича к институту была взаимной. Все силы он отдавал любимой работе, а институт открывал талантливому сотруднику дорогу для роста как ученому и педагогу. Свою службу в институте А. Л. Григорьев начинал доцентом и, уже работая здесь, стал кандидатом и доктором наук, профессором, заведующим кафедрой зарубежной литературы, которую возглавлял около трех десятилетий. Так-

тичный, в высшей степени интеллигентный человек, А. Л. Григорьев умел создать на кафедре совершенно особую атмосферу творческого сотрудничества и взаимопонимания. А. Л. Григорьев не руководил в обычном понимании этого слова. Он советовал, подсказывал, помогал. Он умел и понять, и оценить индивидуальность каждого члена кафедры и старался создать наиболее благоприятные условия для полноты его творческого самовыражения. И при этом он видел дело отдельного ученого и педагога в свете общих задач и планов кафедры и института.

А. Л. Григорьев был талантливым педагогом и воспитателем. Невозможно сказать, сколько студентов слушали его лекции, трудно перечислить всех аспирантов, которые прошли школу его научного руководства. В книге об А. Л. Григорьеве пишут многие из тех, кто его знал, кого он учил, кому оказывал помощь, одаривал советом и просто человеческим соучастием. Так, словами, проникнутыми чувством глубокого

уважения и искренней любви, создается портрет личности по-своему неповторимой. Вот несколько примеров из этого повествования об учителе и друге.

«Самой примечательной особенностью Алексея Львовича был аристократизм: какое-то природное изящество движений, правильность черт лица, прямота осанки и невыразимое единство невысокого роста, телесной легкости и седых, коротко стриженных волос. Благородная сдержанность цветовой гаммы в одежде — ничего лишнего и ничего яркого даже в деталях. В общении внимательный взгляд светлых глаз, теплота юмора, немногословность и такт.

Когда Алексей Львович быстрым шагом пересекал институтский двор, то попадавшие ему навстречу рабочие, занимавшиеся каким-то ремонтом, кланялись ему как "профессору", почитая в нем человека как бы из другого сословия, из другого времени, из старинного, дореволюционного» (Л. Н. Болтовская).

«Алексей Львович поражал нас широтой и глубиной своих знаний. Он был энциклопедически образованным ученым-филологом. Досконально знал и любил русскую литературу и литературу славянских стран, разносторонними были его познания в области литератур западно-европейских и Америки... Многим моим коллегам он помог определиться в своей судьбе, в своей профессии» (В. М. Грачева).

«С тридцатилетней временной дистанции откровенно скажу, что Алексей Львович был не только

блестящим литературоведом-зарубежником и педагогом, но прежде всего незаурядной Личностью, русским человеком и истинным Интеллигентом, что притягивало к нему самых разных по характеру и положению людей. Навсегда запомнились — думаю, не только мне — его искреннее внимание к собеседнику, человеческая теплота и участие, умение так построить разговор с аспирантом, что возникала дополнительная энергетика творческой работы» (Н. И. Стопченко).

«Приходят на память несколько случаев, свидетелем которых мне довелось быть и которые дают определенные штрихи к портрету Алексея Львовича. Как-то он консультировал аспиранта-заочника и диктовал имена — имена авторов, хранящихся в невероятной памяти профессора, и название множества книг, которые он рекомендовал для работы. Это был самый настоящий каталог по теме, и надо было видеть поблескивающие глаза Алексея Львовича и смущенное лицо аспиранта» (В. П. Цюрупа).

Бывает и так, что всего лишь один поступок во всей полноте характеризует человека. Вот эпизод из жизни Алексея Львовича.

В 1936 г. жертвой идеологического преследования стал писатель Леонид Добычин. Догадываясь, что арест последует со дня на день, писатель покончил жизнь самоубийством. Но перед тем, как уйти из жизни, именно А. Л. Григорьеву доверил самое ценное, что у него было: рукопись своей лучшей книги

— романа «Город Эн» и рукопись еще не опубликованного рассказа «Шуркина родня». Автор воспоминаний Ф. П. Федоров пишет: «Добычин с его невероятным чутьем доверил главное свое наследие тому, в ком был уверен, — и не ошибся. Алексей Львович сохранил эти рукописи, несмотря на трагические перипетии 1930-1950-х и последующих годов. Может быть, в добычинской истории и обнаруживает себя личность Алексея Львовича во всем благородстве и трагизме, во всей её мужественной стойкости». Незадолго до своей кончины А. Л. Григорьев передал эти рукописи на вечное хранение в Пушкинский дом.

В книге «А. Л. Григорьев. Воспоминания. Размышления» дан краткий обзор научного наследия ученого и опубликованы две его статьи: «Достоевский и Дидро» и «Мифы в поэзии и прозе русских символистов» — как образцы классического сравнительного литературоведения.

Впервые публикуется полная библиография трудов А. Л. Григорьева, которая позволяет судить, насколько широк был диапазон научных интересов ученого. Труды А. Л. Григорьева свидетельствуют о том, что, развивая идеи культурно-исторической школы, ученый неизменно отстаивал мысль о необходимости изучения художественного наследия писателя в контексте его исторической эпохи, с учетом всего комплекса фактов культурной и общественной жизни. Но особенно близки А. Л. Григорьеву были принципы сравнительного

литературоведения, у истоков которых стоял Александр Николаевич Веселовский. Не случайно, что в многообразном научном наследии А. Л. Григорьева была одна все скрепляющая нить: взаимосвязи и типология литератур мира. В рамках этой общей проблемы А. Л. Григорьева особенно привлекал конкретный вопрос: русская литература и её восприятие и оценка за рубежом. В итоге А. Л. Григорьевым была создана своеобразная энциклопедия о восприятии и критической оценке русских классиков в зарубежном литературоведении. Эту группу работ ученого составляют специальные исследования о А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. А. Некрасове, А. П. Чехове, Л. Н. Толстом, В. Я. Брюсове, Глебе Успенском.

Особо следует отметить работы А. Л. Григорьева о русских писателях, отношение к которым в официальных сферах страны было достаточно настороженным, если не сказать негативным. Речь идет о Леониде Андрееве и Федоре Достоевском.

Статья А. Л. Григорьева о Леониде Андрееве появилась в 1972 г. Это был еще тот период, когда имя русского писателя после долгих лет вынужденного забвения стало робко возвращаться на страницы наших изданий. Принципиальное значение имело название этой работы: «Леонид Андреев в мировом литературном процессе». Уже только это определяло Л. Андреева как писателя мирового масштаба. Об Л. Андрееве, который долгие годы именовался реакционером и пессимистом, А.

Л. Григорьев писал: «Андреев входит в мировой литературный процесс как продолжатель великих гуманистических заветов русской классической литературы». Предметом особого внимания А. Л. Григорьева был Ф. М. Достоевский. Автору «Братьев Карамазовых» ученый посвятил около десятка работ. Ряд из них посвящен оценке и восприятию Достоевского в зарубежной критике и литературоведении. В своей совокупности эти работы имели одну главную цель: показать, насколько глубоко вошел русский писатель в художественное сознание XX в.

Огромный фактический материал по сравнительному литературоведению и комплекс теоретических идей по этим вопросам нашли свое обобщение в крупном исследовании – докторской диссертации, защищенной А. Л. Григорьевым в 1965 г., а затем и в капитальной книге «Русская литература в зарубежном литературоведении» (Л., 1977).

Книга эта – явление уникальное в отечественном литературоведении. Она вызвала большой интерес в нашей стране и ряде зарубежных стран. Н. Н. Скотов, одним из первых отозвавшийся в печати об этой книге, писал: «Многолетние изучения А. Л. Григорьева, выдающегося знатока проблемы, даже точнее – целого направления в филологии, привели его к созданию работы, в своем роде единственной: даже трудно поверить, что это плод усилий одного, пусть и с опорой на предшественников и современных коллег, чело-

века. Для нашей филологической науки такой труд приобретает особую академическую значимость, которая в современных условиях поддерживается и непосредственно актуальным злободневным интересом».

Книгу «Профессор А. Л. Григорьев. Воспоминания. Размышления» с интересом и пользой прочтут и те, кто многие годы посвятил служению науке и просвещению, и те, кто еще только-только вступает на это трудное, но славное поприще.

И конечно, эта книга высветила еще одну грань в истории университета, который вправе гордиться золотыми именами своих лучших представителей.

А закончить рассказ о книге хотелось бы словами старейшего профессора кафедры зарубежной литературы Нины Яковлевны Дьяконовой, знавшей А. Л. Григорьева с 1939 г.: «Алексей Львович Григорьев достойно представлял русскую интеллигенцию XX в., её неутомимые искания, стремление к совершенствованию, её культ знания и образованности. С характерной для интеллигента старой формации самокритичностью он предъявлял к себе непомерные требования и сокрушался, несправедливо порицая себя за несоответствие этим требованиям. Он служил просвещению столько, сколько мог. Его чувство долга и ответственности покорило десятки, сотни прилежных учеников. Они понимают, как многим ему обязаны, на свой лад следуют его примеру и хранят о нем благодарную память».